

КОНСЕРВАТОР

Заслуженная артистка РСФСР, депутат Государственной Думы России Елена Драпеко в эфире авторской программы «Антонимы»: «Народ очень воспрял. Когда народ понял, что он нужен, что без него одними олигархами проблему не решить».

Сегодня гостьей «Антонимов» стала известная актриса, заслуженная артистка РСФСР, депутат Госдумы Елена Григорьевна Драпеко. За свою карьеру Елена Григорьевна снялась более чем в 60 фильмах: «А зори здесь тихие», «Вечный зов», «Самый жаркий месяц», «Безотцовщина», «Полынь — трава горькая», «Одиноким предоставляется общежитие». В Госдуме она занимает пост первого заместителя председателя комитета по культуре.

Поговорим о ролях в кино, культурной политике России и об уехавших актёрах и музыкантах, спасении древних усадеб, борьбе с кондиционерами на исторических фасадах, духовном подъёме русского народа и многом другом.

— Понимаете, нельзя позволять существовать такому режиму. Это наши люди. Это искусственная граница, которую провели и которую на самом деле не надо было демаркировать. Это [сделал] Ельцин и группа предателей, которые правили Россией на протяжении девяностых годов. Это моя жесткая позиция и может, кому-то и не понравится. Но сегодня мы поняли, что это была ошибка. Мы дали им право вырасти, вырастить фашизм на своей земле.

— Я надеюсь, что с Путиным будет всё хорошо и Бога молю, чтобы он прожил вообще до ста лет, потому что ему удалось то, что редко кому удавалось в российской истории. Из хаоса девяностых годов вылепить достаточно такое гармоничное государство, государство, которым можно управлять, где есть вертикаль власти, где есть законы, где есть народ, который ему доверяет. Ведь это же удивительно, но его народ любит.

— У нас вырастает новый слой культуры. Культура тоже находится на переходном периоде, как, впрочем, и вся страна. Старый мир закончился и культура, такой вот постмодернизм, который пришел к нам с Запада, все эти течения, они перерождаются в нечто новое.

— Люди всегда важнее. Люди имеют право решать всё и про территорию и про субъектность. Это право на самоопределение. Право на самоопределение не у

территории, а у людей на этой территории проживающих, так написано в уставе ООН. Хотя у них двойные стандарты: когда Косово, тогда можно, а когда Донбасс, тогда нельзя. Поэтому плевать нам на их как бы укоры, они сами так изпаковались за свою историю, что не им нас учить.

– Я себя ловлю на том, что у меня нет ненависти к украинцам. И, когда гибнет тысяча солдат в день украинской армии, вы поверите, но мне их жалко. Мне жалко наших до до смерти, потому что там воюют дети моих знакомых. Там мои друзья–байкеры записались добровольцами. Я езжу туда на фронт выступает перед ранеными перед солдатами, но мне жалко украинцев, что их гонят на смерть. Вот тысячами, понимаете, а гонит их кто? Вот эта фашиствующая сволочь, которая захватила страну. Поэтому боремся мы с фашистами, с теми, кто захватил страну, а не с украинцами.

– Сегодня опять становится ценностью любовь к родине и патриотизм. В девяностые годы в нас тыкали пальцем и говорили вот патриотизм – прибежище подлецов. И мы держали оборону! Мы пытались бороться против вестернизации нашей культуры, защищали наших художников, композиторов. Сохраняли исконную душу русскую, потому что культура это овеянная душа народа.

– Сегодня объединяются те, кто поддержал Россию в тот момент, когда она закачалась, да, когда её пытались качать и уничтожать. И вот эти люди имеют право иметь такое мнение: ты убежал, ты трус, ты предал свою страну, ты пошел спасать свою шкуру. Ну и сиди там, за полосатым столбиком, а здесь мы сегодня будем строить ту страну, которую мы считаем нужным.

– Мы должны вести себя достойно. Мы не собираемся выкидывать этот пласт культуры никуда. Он остается с нами, с нами останутся и фильмы, с нами останутся и песни. Понимаете, сегодня мы не согласны или они не согласны с нами, но это их гражданская позиция. Она вот к тому, что они уже сделали, думаю, отношения уже не имеет. Другое дело, что вот этой всенародной любви, поклонения уже нет, нам больно и горько, что они так себя повели, как бы нас предали. Ну вот такая трагедия.

– Сейчас мы никого на штыки не поднимаем, но вот это вот неприятие их или, может быть какая-то выгода, которые они боятся потерять, она их увела от России. Поэтому нам это больно и мы этого не скрываем. Жалко. Они другие. Вернее, мы уже другие, понимаете? Они остались теми же, какими были в те девяностые годы. А мы изменились. Страна изменилась.

– Мы должны дойти до польской границы. Никакой Украины в том виде, в котором она есть, быть не должно. То есть Украина должна быть, я не против уничтожения режима, я против уничтожения государства. Мы сформируем

такое государство, которое не будет угрожать России. Украина нужна для украинцев. Прежде всего не для этнических украинцев, а для людей, которые живут на Украине, а живут люди разных национальностей, и там и русских полно и греков, и татар.

– Мы думаем, есть разные мнения. Одно из мнений, что они враги и поэтому уехавших не надо пускать обратно. Есть мнение вырезать из фильмов, не печатать книги. Есть мнение президента, которое он высказал на своем послании, где он говорит, что те, кто никак не зарекомендовал себя с плохой стороны и просто уехали, что мы не должны мстить им за это. Мы думаем, мы советуемся, между прочим, не только к с экспертами, но и с народом, будем проводить социологические опросы.

– Раньше же в каждом селе был храм. Это было как дом культуры, куда люди ходили, их там записывали: рождение и смерть. Когда умерло село, вместе с ним естественно, умирает и храмы. Сёла, деревни разрушены, граждане все выехали и живут теперь в Москве в Петербурге.

– Руинированные памятники вы можете взять за рубль, но при одном условии: должны их восстанавливать, то есть вы должны вложить в них деньги и в течение семи лет восстановить этот памятник.

Фотографии гости программы доступны по ссылке:

<https://disk.yandex.ru/d/urY-K9THPDyB6w>

Запись программы доступна в следующих социальных сетях платформы «Консерватор»:

VK: https://vk.com/conservator_tv

Telegram: https://t.me/conservator_tv

RuTube: <https://rutube.ru/channel/30288233/>

Дзен: https://dzen.ru/conservator_tv

ОК: <https://ok.ru/group/70000001814569>

Избранные цитаты пианиста Елены Драпеко из интервью.

Про «Чебурашку»

По поводу «Чебурашки» у меня нет претензий. Я его люблю, он маленький и мягонький, его смотрят с удовольствием миллионы людей. Главное, что он нас спас

в детские зимние каникулы. Показывать было особенно нечего, и он, конечно, помог. Ну, кроме того, там артисты хорошие. Много всего хорошего. Он яркий и добрый этот фильм. Можно пойти с ребенком, с бабушкой и не бояться, что какая-нибудь гадость там вылезет из экрана.

Про восстановление храмов

Мы все занимаемся каждый своим делом. Я занимаюсь как раз памятниками. Нас всех очень заботит эта ситуация, а по Тверской области особенно, но трагедия, знаете, в чем? Ходить [в старые храмы] некому! Сёла, деревни разрушены, граждане все выехали и живут теперь в Москве в Петербурге. И там, где люди живут, там у нас есть возможность восстанавливать, потому что восстановить это полдела. Надо же это всё содержать надо, чтобы храм был намоленный, стало быть должны быть богомольцы. Хотя бывают случаи, когда восстанавливаются храмы и из-за их архитектурной ценности особенной. Либо это память места какого-то, связанного с историей.

Вот тогда, при Патриархии у нас есть служба заказчика. Именно Патриархия определяет вместе с Министерством культуры очередность, что мы сначала реставрируем, что мы реставрирован потом, что является памятником, то есть уникальным и имеющим художественную, или историческую ценность. А что как бы рядовое строение. Раньше же в каждом селе был храм. Это было как дом культуры, куда люди ходили, их там записывали: рождение и смерть. Когда умерло село, вместе с ним естественно, умирает и храмы.

Надо ли государству ввести какую-то специальную программу, чтобы отдавать бесплатно эти усадьбы и храмы для их восстановления?

Это совершенно правильно. Мало того, такая программа есть и закон об этом есть. Руинированные памятники вы можете взять за рубль, но при одном условии: должны их восстанавливать, то есть вы должны вложить в них деньги и в течение семи лет восстановить этот памятник. У нас есть замечательные примеры. Вот в Калужской области есть полотняный завод, его взяла группа граждан и восстанавливают этот довольно большой памятник. И вот они там кусок восстановили и сделали там кафе, эксплуатирует и на деньги, которые они там зарабатывают, они вложили ещё кусочек и сделали там небольшую гостиницу, а ещё там у них лодочная станция. И вот так постепенно они оживляют это место, потому что туда пошли туристы. Если нет людей, оно никому не надо.

Можно ли перенести на федеральный уровень опыт калининградской области, где дают субсидию на восстановление памятника и потом, если этот памятник восстанавливается, половину этой субсидии списывает на свои нужды.

Я надеюсь, что можно, просто разное количество денег у разных регионов, понимаете, но и качество памятников. Сегодня это право есть. У нас в законодательстве есть замечательная, которую мы придумали лет двадцать назад и вписали её: о компенсации собственнику потраченных им денег на реставрацию собственности. Ну, вы живете в каком-то там домике, вкладываете в него деньги, потом приносите квитанции и органы охраны памятников вам оплачивают или работу или проект.

Норма есть, но вот уже много лет каждый год при принятии бюджета эту норму приостанавливают. Никак не могут раскошелиться на это Министерство финансов. И никак Министерство культуры до сих пор не может определить порядок выдачи этих денег, должно быть постановление правительства о исполнении нормы, как и кому давать, сколько давать, за что давать. Уже Валентина Ивановна Матвиенко, честно говоря, кулаком стучала и приказывала, чтобы к 2019 году было постановления о компенсации. Нет, не получается, все никак не могут сговориться разные ведомства.

Вот мы берем программу и говорим: ближайшие пять лет мы будем выдавать вот такие компенсации всем, кто реставрирует деревянные дома, потому что они гибнут самыми первыми. Вот эти вот чудные деревянные домики в Туле с наличниками, в Томске целый район. Вот это деревянное зодчество спасаем, и каждый, кто вкладывается, ему компенсируют. Вот я бы пошла, если бы я был директором, что называется, по этому пути.

У меня была история, фантастическая совершенно. У нас в Петербурге, в каком-то районе сгорел деревянный дом, чья-то дача. Остался один фундамент и этот несчастный владелец даже экспертизу приглашал, доказывая, что этот фундамент вообще построен после войны. Нет, постановили восстанавливать в том виде, в каком он был первоначально и он проиграл все суды. Они вцепились в него и заставляют его восстанавливать. Вопрос не в законе, а в его исполнении.

Что делать, чтобы восстановить облик страны, который мы помним по фотографиям Прокудина–Горского и убрать кондиционеры с исторических фасадов?

Я не уверена, что нам это надо. В этих домах люди живут, работают и у них должны быть комфортные условия. В нашем законодательстве прописано, что при капитальном ремонте эти вот кондиционеры, которые видны со двора должны быть спрятаны. Мы должны понимать, что есть закон существует, и он разделяет дома на памятники и обычные дома. Нам, кстати, министерство культуры обещало, что они займутся этой проблемой, чтобы не было этих ящиков здоровенных. Сегодня уже в новых домах не разрешено вывешивать [кондиционеры], только на балконе, чтобы его было не видно, и сегодня это уродство прекратилось.

Какие с точки зрения Думы у нас сейчас самые большие проблемы в культуре?

У нас вырастает новый слой культуры. Культура тоже находится на переходном периоде, как, впрочем, и вся страна. Старый мир закончился и культура, такой вот постмодернизм, который пришел к нам с Запада, все эти течения, они перерождаются в нечто новое. Сегодня у нас происходит смена системы иерархии. Ценности все те же остаются, но их иерархия меняется, на первый план выходят уже другие ценности, не те, которые были двадцать лет назад.

Сегодня опять становится ценностью любовь к родине и патриотизм. В девяностые годы в нас тыкали пальцем и говорили вот патриотизм – прибежище подлецов. И мы держали оборону! Мы пытались бороться против вестернизации нашей культуры, защищали наших художников, композиторов. Сохраняли исконную душу русскую, потому что культура это овеществленная душа народа. Она как раз на протяжении уже теперь тысячи лет передает из поколения в поколение то, что называется культурным кодом.

Как нам надо вести себя по отношению к уехавшим артистам?

Я думаю, что мы должны прежде всего вести себя достойно. Мы не собираемся выкидывать этот пласт культуры никуда. Он остается с нами, с нами останутся и фильмы, с нами останутся и песни. Понимаете, сегодня мы не согласны или они не согласны с нами, но это их гражданская позиция. Она вот к тому, что они уже сделали, думаю, отношения уже не имеет. Другое дело, что вот этой всенародной любви, поклонения уже нет, нам больно и горько, что они так себя повели, как бы нас предали. Ну вот такая трагедия.

Трагедия начала XX века – белая эмиграция, которая ушла из России. Да и это значит, и большие художники, и нам жаль, что они ушли. Нам жалко, что наша культура тогда раскололась. Сейчас мы никого на штыки не поднимаем, но вот это вот неприятие их или, может быть какая-то выгода, которые они боятся потерять, она их увела от России. Поэтому нам это больно и мы этого не скрываем. Жалко. Они другие. Вернее, мы уже другие, понимаете? Они остались теми же, какими были в те девяностые годы. А мы изменились. Страна изменилась.

Если уехавшие артисты захотят вернуться обратно, должна ли Россия их принять?

Если они граждане России, то безусловно, если они не нанесли вред России. Алла Пугачева не собирала деньги для ВСУ, она не покупала оружия, не делала пожертвований [Украине]. В 275-ом Федеральном законе о государственной измене как ни странно, есть ещё такая вещь как консультирование, помощь иностранным государствам, которые враждебны Российской Федерации. И это тоже считается

государственной изменой. Поэтому я думаю, что мы должны обратиться ещё раз к нашим юристам к юридическому сообществу и уточнить эти статьи вот этого 275-ого закона. Я бы его этот закон на самом деле опубликовала крупными буквами, чтобы все его прочитали.

Я его прочитала несколько раз, потому что у нас есть комиссия в нашем комитете по культуре, которой поручили определиться с тем, что же делать вот с такими людьми. Все предложения, которые поступают в Государственную Думу, приходят в эту комиссию.

Недавно наш комитет проводил такое совещание. Правоохранительные органы, силовики были, наши эксперты по вопросам и культуре. Пока мы не приняли никакого решения. Потому что мы думаем, есть разные мнения. Но вот одно из мнений, что они враги и поэтому их надо не пускать. Есть мнение вырезать из фильмов, не печатать книги. Есть мнение президента, которое он высказал на своем послании, где он говорит, что те, кто никак не зарекомендовал себя с плохой стороны и просто уехали, что мы не должны мстить им за это. Мы думаем, мы советуемся, между прочим, не только к с экспертами, но и с народом, будем проводить социологические опросы.

Не хотим ли мы сейчас выступить к уехавшим людям с призывом возвращайтесь?

С призывом нет. Они бежали тогда, когда нам грозила опасность. Разные люди есть. Вот падает шкаф. Кто-то разбегается, а кто-то подставляет плечо, чтобы шкаф не упал. Вот сегодня объединяются те, кто поддержал Россию в тот момент, когда она закачалась, да, когда её пытались качать и уничтожать. И вот эти люди имеют право иметь такое мнение: ты убежал, ты трус, ты предал свою страну, ты пошел спасать свою шкуру. Ну и сиди там, за полосатым столбиком, а здесь мы сегодня будем строить ту страну, которую мы считаем нужным.

Какое ваше видение России?

У каждого у каждой партии есть свое мнение. Мы социалистическая партия «Справедливая Россия», мы за правду, поэтому мы считаем, что будущее России это социальное государство. Было приватизировано всё социальное наследие Советского Союза. Мы считаем, что его надо возрождать, ибо социализм есть общественные фонды потребления. Ну, допустим, медицина сегодня это некий Фонд медицинского страхования. Так вот мы считаем, что его надо уничтожить, потому что он очень забюрократизированный, очень много денег идет на его содержание. Он съедает вот эти деньги на свое содержание, это абсолютно передаточное звено, который не нужно, его не было, его родили, ещё негосударственные фонды наворотили. А финансировать медицинские учреждения надо напрямую через казначейство, потому что он передаточное звено. Он должен

был защищать граждан. А что он защищал? Сегодня налоги идут в фонд, а будут идти напрямую в бюджет, а он напрямую будет финансировать.

Поэтому каждые пять лет мы подаем проект закона, но правящая партия не согласна. Они уже согласились, что пенсионный фонд и Фонд социального страхования это две машины, из которых можно сделать одну. Я в это верю, иначе бы я не работала в этой партии. Мы постепенно выдавливаем вот эту вот рыночную экономику, загоняем её в нору.

Как вы относитесь к СВО?

Я считаю, чтобы могли бы раньше начать. Мы помогали Донбассу с 2014 года. Ездили туда, возили гуманитарные конвои, помощь принимали оттуда. Мы видели, как они мучаются. Понимаете, нельзя позволять существовать такому режиму. Это наши люди. Это искусственная граница, которую провели и которую на самом деле не надо было демаркировать. Это [сделал] Ельцин и группа предателей, которые правили Россией на протяжении девяностых годов. Это моя жесткая позиция и может, кому-то и не понравится. Но сегодня мы поняли, что это была ошибка. Мы дали им право вырасти, вырастить фашизм на своей земле.

Я это видела на протяжении многих лет, я присутствовала на первом майдане в 2004 году, я была международным наблюдателем на выборах в Киеве, во Львове и в Ивано-Франковске. Да, я была свидетелем. Мало того, у меня на Украине очень много знакомых. Я там снималась в кино, я дружу с очень многими художниками, артистами. Но сейчас уже не могу им звонить. Боюсь подвести людей. Я разговаривала с ними в самом начале спецоперации. Я им звонила: «Ребята, давайте быстро в Москву. Мы вас ждем, примем, постелим, накормим. Приезжайте!». Они не смогли вырваться из Киева. А сейчас я уже просто боюсь звонить, потому что боюсь их подставить.

Я видела своими глазами видела и эти фашиствующие группы, особенно на западной Украине, обученные и поляков, которые ликовали в ресторане после победы своего кандидата Ющенко. Со мной были вместе украинские товарищи, которые из Партии регионов сопровождали меня там.

Почему мы решили, что люди важнее, чем право на территориальную субъектность?

Люди всегда важнее. Люди имеют право решать всё и про территорию и про субъектность. Это право на самоопределение. Право на самоопределение не у территории, а у людей на этой территории проживающих, так написано в уставе ООН. Хотя у них двойные стандарты: когда Косово, тогда можно, а когда Донбасс, тогда нельзя. Поэтому плевать нам на их как бы укоры, они сами так изпакостились за свою историю, что не им нас учить.

В чем разница между СВО и войной?

Если бы была война, мы бы уже на львовской границы стояли. Мы не используем все средства войны, мы не прекращаем прокачку газа через территорию Украины, у нас до сих пор есть отношения. Мне это кажется странным. Я, честно говоря, ожидала на послании президента, что он объявит, что СВО заменяется КТО. Хотя бы для того, чтобы можно было начать наводить порядок на освобожденных территориях. Я совершенно точно знаю, что контртеррористическая операция более жесткая, которая дает возможности обысков, проверки документов, введение комендантского часа, и много чего ещё!

Куда должна дойти Россия в ходе СВО?

Мы должны дойти до польской границы. Никакой Украины в том виде, в котором она есть, быть не должно. То есть Украина должна быть, я не против уничтожения режима, я против уничтожения государства. Мы сформируем такое государство, которое не будет угрожать России. Украина нужна для украинцев. Прежде всего не для этнических украинцев, а для людей, которые живут на Украине, а живут люди разных национальностей, и там и русских полно и греков, и татар. Давайте, когда мы победим, тогда мы с вами на эту тему побеседуем. А пока что делить нам с вами нечего. Мы пока что стоим ещё возле собственных границ.

Я вот себя ловлю на том, что у меня нет ненависти к украинцам. И, когда гибнет, говорят, гибнет тысяча солдат в день украинской армии, вы поверите, но мне их жалко. Мне жалко наших до до смерти, потому что там воюют дети моих знакомых. Там мои друзья–байкеры записались добровольцами. Я езжу туда на фронт выступает перед ранеными перед солдатами, но мне жалко украинцев, что их гонят на смерть. Вот тысячами, понимаете, а гонит их кто? Вот эта фашиствующая сволочь, которая захватила страну. Поэтому боремся мы с фашистами, с теми, кто захватил страну, а не с украинцами.

Мы победим безусловно. Собственно говоря, история наша такая. Ну, вы послушайте, что у нас во всех войнах. Так было. Мы учимся воевать. Мы за восемьдесят лет, что не воевали, научились и учили видимо наших офицеров военных воевать в прошлой войне как это было всегда. Как это было всегда понимаете. В начале Великой Отечественной у нас конница скакала. Вот то же самое произошло. Ну кто знал, что дроны вдруг окажутся самым главным оружием на фронте? Представить же всё было невозможно! Это вечная наша русская история, когда мы учимся. Беда только одна, что русские с русскими воюют, ни с какими не украинцами. С той стороны русские, с этой стороны, поэтому такая кровавая гражданская война.

Россия это Европа?

Россия – это отдельная цивилизация. Вот как раз вчера я занималась этим вопросом, чем мы отличаемся, почему мы другие, и когда мы стали другими. Наши философы сделали анализ, что мы знаем о нас самих самого древнего. Что до нас дошло через века, через тысячу лет? Дошли былины, которые рассказывают о том, какими были наши пращуры тысячу лет назад и что для них было хорошо, что было плохо, что было главное, что второстепенное. Мы смотрим, вот он, Илья Муромец, вот совершенно крестьянский характер. Главный подвиг его жизни, что он был крестьянин, а потом уже богатырь. Но, когда он стал богатырем, он за что воюет?

Он, оказывается, воюет за землю русскую за обиженных и униженных, за сирот и жен побитых. Такая интересная штука есть – отношения богатыря и власти в лице Владимира Красное Солнышко. Когда напали враги он пошел в подвал, куда он засадил Илью Муромца в тюрьму, просить Илью Муромца встать и идти, защищать землю русскую. Что ему сказал Илья Муромец? Он ему сказал: «Ради тебя, собака, князь, я бы из подвала не вышел, но ради земли русской пойду воевать». Это говорит о чём. Для Ильи Муромца главное не понравится власти, а защищать землю русскую, униженных и обиженных. Он заткнул свою амбиции, свою обиду на князя, его дружину, которые его посадили и пошел воевать за землю русскую!

Это говорит о том, что да в России были всякие правители и всякие управленцы нами управляли, но на протяжении тысячи лет находились богатыри, который за землю русскую воевали и умирали. Это наши пращуры и сегодня мы исповедуем то же самое! Прошло тысячу лет, но как только враг объявился, так миллионы людей вышли на улицу. Помните Бессмертный полк? А сегодня мои друзья ушли воевать, от депутатов государственной Думы два человека воюет!

Вы любите Европу?

Я очень люблю там гулять, обожаю Париж! Меня теперь не пускают, я под санкциями, но я уже проехала везде, где могла. Я брала в аренду машину и за рулем проехала [всю Европу]. Я пережив, у меня, знаете, есть ещё Аркаим, в котором я не была, есть ещё Ленские столбы в Красноярске. Очень много в Руси такого, чего я видела, я очень много путешествовала. Снимали мы кино, называлось оно «Мужество» (1980-1981). Снимали в этих жутких исключительно из-за гнуса местах под Комсомольском-на-Амуре. Этот гнус налипал на грим и артист становился негром, и тогда мне вот один мой знакомый космонавт дал маленький пузыречек какого-то спирта. После этого они как бы ореолом вокруг летают, но не садятся. Мы мазали только того, который в кадре, сэкономили эту штуку.

Я недавно была в Башкирии, там пещера. Обожаю Башкирию, у меня мама родом оттуда. Вот так там пещера, которая пятнадцать тысяч лет до нашей эры была расписана первобытными людьми. Там эти рисунки мамонтов, охоты, и там же

рядом у них пасека, как в древности, когда в дуплах улья. Там построили совершенно замечательные такие деревянные домики, где можно остановиться. Это такой туристический объект, чудный совершенно. Я лазил и думаю, нет. Вот часто внушка немножко подрастет, и я её тоже туда повезло.

Путин будет президентом в 2024 году?

Обязательно! Я надеюсь! Во-первых, он справляется лучше, чем кто-то до него, я не вижу альтернативы. Просто не вижу. Я думаю, вырастет, конечно, кто-то. Русь у нас такая страна, когда у нас герои вдруг из земли выпирают и появляются ниоткуда. Но я надеюсь, что с Путиным будет все хорошо и Бога молю, чтобы он прожил вообще до ста лет, потому что ему удалось то, что редко кому удавалось в российской истории. Из хаоса девяностых годов вылепить достаточно такое гармоничное государство, государство, которым можно управлять, где есть вертикаль власти, где есть законы, где есть народ, который ему доверяет. Ведь это же удивительно, но его народ любит. Правда, это такая любовь, как при царях батюшках, когда бояре плохие, а царь хороший. Но доверяет и я видела, как он искренне плакал, когда, когда его избрали. Это совершенно невероятный случай, когда человек отдал власть, а потом опять ему её отдали второй раз.

Путин удивительный человек! Мне удалось как-то поближе немного с ним пообщаться. Я работала в начале девяностых годов в мэрии Санкт-Петербурга. У него удивительная воля, удивительная аура такая мощная, голова очень светлая и терпеливый он, всё-таки удивительно терпеливый, потому что перемолоть перебороть вот это всё, что было и при этом не устроить кровавых разборок, это надо необыкновенный талант иметь. Он до сих пор дружит со старыми друзьями. Это его очень украшает в глазах людей. Потому что многие люди как только на ступеньку выше влезут, так уже не видят никого рядом. Это талант человеческий помнить свою юность, помнить свою учительницу, узнавать старых знакомых. У Путина этого греха нет!

Спасибо ему большое за то, что он взял на себя этот непомерный, страшный груз. Даже на моем уровне столько в голове не умещается проблем, которые надо сегодня, вот немедленно прям, решить, а у него их в тысячу раз больше и тут советчики и тут в уши поют. И вот с этим со всем жить. Это надо быть необыкновенным человеком. Но главный результат, что есть страна и страна начинает как-то знаете, подбираться, собираться. Даже вот эта специальная военная операция заставила нас как бы подобрать и втянуть живот, расправить плечи и понять, что от каждого сегодня зависит, что с нами будет завтра.

Вот вчера женщины собрались на съезд женский свой. Одни шьют какие-то костюмы для снайперов, снайперов, другие вяжут маскировочные сети. Кто-то шьет теплую одежду, кто-то собирает гуманитарную помощь. С Новосибирска кричали: «Вы представляете, с нас почта запросила такие деньги за доставку этих посылок,

которые мы собрали, что это ненеподъемный груз. Надо заставить почту бесплатно отправлять нашу гуманитарную помощь». В общем, в общем, народ как-то очень воспрял. Когда народ наверное, понял, что он нужен, что без него, без народа, одними олигархами проблему не решить.

Мы всегда рады ответить на ваши вопросы и предоставить дополнительные материалы в формате 24/7. Контакты пресс-службы «Консерватора»:

Олег Трофимов trofimov@antonyms.tv